

Рена Агаджан кызы Алиева

МОВЛУД СУЛЕЙМАНЛЫ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ (на основе повести «Мельница»)

В охране национально-духовных ценностей, в передаче исторической памяти в будущее, также в укреплении чувства национального происхождения и сознания фольклорная культура обладает исключительным историческим значением. И в выражении национально-исторического своеобразия роль этих ценностей незаменима. Если взять в широком смысле фольклор, охватывающий понятие национально-духовной сущности наряду с тем, что он является основным источником энергии, которая сохраняет и дает жизнь языку, духу народа, также играет роль плодотворной почвы в динамическом развитии многих отраслей национальной культуры, в том числе художественной литературы. Талантливые деятели пера, которым хорошо ведомы тонкости национального духа, глубинные пласты нашей национально-духовной сущности, лишь тогда достигают успеха в художественном решении тем, к которым они обращаются, когда фольклорный колорит наряду с другими качествами мастерства присутствуют в языке и духе написанных ими произведений.

Конечно, фольклорный колорит, так или иначе, проявляет себя в творчестве большинства представителей нашей классической и современной литературы. Но существуют писатели, творчество которых непосредственно берет начало от фольклорных источников. Фольклор для данных писателей является не только показателем языка, стиля и повествования, но и также показателем национального духа, национальной сущности, национального сознания. С этой точки зрения, художественная проза народного писателя Мовлуда Сулейманлы, который, начиная с семидесятых годов двадцатого века до настоящего времени своим духом и своей писательской манерой заслужил звания настоящего фольклорного писателя, может считаться образцом, привлекающим внимания.

Даже и первоначальное, мимолетное наблюдение за творчеством Мовлуда Сулейманлы дает возможность с легкостью определить, что он является тем писателем, который впитал в себя фольклорную культуру, народный дух. Потому что, фольклор составляет основу, сущность его творчества как писателя начиная с его самых малых рассказов – этюдов этнографического

стиля, кончая его крупномасштабными совершенными эпическими произведениями как «Кочевание», «Червь грецкого ореха», «Мельница», «Недосол». Во всех этапах и ситуациях своего художественного творчества он проявил себя как писатель, который дышит, живет фольклором, нашей историко-этнографической культурой. Под различными условно-символическими названиями своих произведений он всегда постарался оживить историко-духовный образ народа.

Внутри Советской Империи, которая всей своей силой, мощью превратила раздавление, уничтожение национальной сущности в свою идеологическую миссию, литературная деятельность Мовлуда Сулейманлы за данный период которая на уровне связи именно с фольклором, фольклорными ценностями вывела на страницы рассказов, повестей и романов проблемы, реконструкции национального распознавания, в действительности служила процессу национального пробуждения и борьбы за независимость, не случайно, что споры и дискуссии вокруг повести «Мельница» и романа «Кочевание» были отмечены в числе самых событий, имевших важное место в литературной жизни семидесятых-восемидесятых годов.

Последующий ход литературного процесса, и в том числе нашей национально-духовной жизни подтвердил жизненность и дальновидность проблем необходимости возврата к фольклору – происхождению, национальному самопознанию, спасения от кабалы красной империи, приобщения к свободе, независимости.

Примерно к концу семидесятых годов, когда советская идеологическая пропаганда еще достаточно была сильна, а более точно в 1978-ом году вопросы, поднятые в повести «Мельница», которая была представлена литературно-научной общественности и широкой читательской аудитории, по своей актуальности, и смелости вызвали большой резонанс в филологической мысли (3,7). Произведение по всей своей сюжетной линии повести доводило до внимания читателей насколько тяжелые и жалкие негодности вносило наружу проблема выветривания национально-духовных ценностей историко-этнографической культуры, существование глубокой, большой пропасти между духовной эро-

зией и деградацией в реальной жизни и фальшиво помпезной и роскошной советской идеологической пропагандой. Как справедливо отмечает, доктор филологических наук Х.Баширли, «в произведении «Мельница» внезапно появилось, показалось истинное лицо режима, который внешне был пышным, светлым, гладким, истина стала очевидной. Жестко и открыто были показаны материальные и духовные ценности, перемолотые как мельница целым режимом» (4,7). В виду того что, Мовлуд Сулейманлы является писателем фольклорного уклона среды средств к которым он с этой целью обращается, символично-метафорические образы, идущие из историко-духовной памяти народа занимают важное место. Фольклорная символика начиная с названия произведения («Мельница») до историко-духовного статуса, исполняемого отдельными образами (например, Тэлли гары-седовлосая женщина, Гюллю арвад - женщина хранительница семейных традиций, Чабан - образ верности, мужества, праведности и т.д.), также до писательского повествования и символических выражений и реплик в разго-ворном стиле образов занимают ведущее место.

В действительности образ «Мельница» символизирует всю сущность произведения. Историко-этнографическое пространство – мельница которая как источник добра, благополучия занимает здесь высокое сакральное место превращается в полностью противоположное место, где господствуют такие негативные явления как безнравственность, пьянство, алчность, и т.д. Писатель при посредстве фольклорной символики, метафорических образов и средств старается внести ясность в сущность процесса превращения «мельницы-изобилия» в «мельницу-кабабную», причины которые привели к этому превращению.

Писатель на примере социально-общественной жизни одного села при посредстве символично-метафорического образа «кровь», взятого из историко-этнографической культуры народа, который стал особенно актуальным после превращения мельницы в «мельницу-кабабную» сумел обозначить, показать все негативные стороны этого превращения, господствующие в среде «мельницы-кабабной». «Дети села играли с кровью» (1, 21). Это предложение, приведенное из повести наглядно показывает всю трагичность положения общества. И не случайно весь гнев и проклятие двух старых женщин-хранительниц домашнего очага, несущих груз историко-духовного статуса в повести направлено именно против шашлычника, кото-

рый орудует в кабабной то есть в бывшей мельнице. Тэлли гары (старуха Тэлли) конкретизируя фольклорной символикой пролитую кровь шашлычником, адресует ему самому: «Что бы только кровь ел!». Этот семантический груз преследует шашлычника по всей сюжетной линии. Или же слова Гюллю арвад (женщины Гюллю): «Зачем ты нашу воду превратил в кровь?» показывают, что некогда чистая как вода жизнь общества превратилась в кровь. Она как бы требует ответа за все негативные явления в бывшем советском обществе.

Это негативное влияние превращения сельской мельницы в кабабную не прошло мимо и от чисто человеческих отношений, нравственности: естественные, добрые человеческие отношения заменяются фальшивыми, искусственными отношениями, нарушаются нравственно-духовные критерии, алчность людей приводит их к безнравственности, недостойности. В повести, где изображается этот мир чабан выступает как защитник и хранитель, он доведенный до отчаяния существующим положением в обществе грозиться с кинжалом в руках исправить ситуацию, искоренить эти негативные явления. Следует отметить, что в произведениях типа «Мельница», «Кочевание», «Недосол», «Червь грецкого ореха», «Сатана», и в других произведениях этого типа обращение Мовлуда Сулейманлы к фольклорной символике во всех случаях носит характер подтекстной манеры (5, 44-48). Если здесь с одной стороны на передний план выдвигается историко-генетическая память, национально-духовная принадлежность, воплощенная фольклорной и этнографической культурой, то с другой стороны окольным путем, намеками выражается писательский протест процессу национально-духовного разложения в существующей реальности – в советской социальной политической среде. То, что данные произведения в филологической мысли были встречены неоднозначно – наряду, с тем и, кто приветствовал появление этих произведений и было не малое число критиков, исходящих из советских идеологических критерий, в многом было связано и с манерой подтекстного протеста.

В повести проблема разложения национально-духовных ценностей, деградации и сбиивание с пути историко-этнографического существования жестких жизненных картин, выдвигается на передний план, что в действительности должно считаться правильной и нормальной реакцией художественной лите-ратуры. Процесс застоя-эрозии-разрушения именно в эти годы охватило советское общество, привело к ее

падению: советская мельница перемалывала ложь и ложью кормила. Внешне – на словах было социальное равенство, справедливость, большой прогресс, а во внутренней сущности жалкое и страшное положение, то, что было в «мельнице-кабабной» господствовало и в обществе. В подобной среде духовное разложение общества было неизбежным.

1. Сулейманлы, М. Голос. Баку: Язычы, 1988 (на азерб. яз.)

2. Салахлы, С. Романы Мовлуда Сулейманлы призывают к национальному катарсису // Сулейманлы, М. Три романа. Баку: 2004 (на азерб. яз.)

3. Баширова, Х. Предисловие // Сулейманлы, М. Избранные произведения. Баку: Шарг-Гарб, 2006 (на азерб. яз.)

4. Гусейнов, А. Единство различия. Баку: Язычы, 1991 (на азерб. яз.)

* * *

Автор бұл мақалада Мовлуд Сулейманлы шығармашылығы және фольклорлық дәстүрге тоқталады.

* * *

In article the form and receptions of use of folklore motives of images and a reality in the story "Mill" of the national writer Movlud Suleymanli written in the seventies XX century is investigated.

In article as use in this product by the writer of folklore symbols (the gray-haired old woman, the old woman, a national mill, the shepherd, blood etc.) and the uses by it them in metaphorical is widely analyzed. Thanking these symbols and their metaphorical use to the author to move the present literary manner to finish to readers an aeration problem national-cultural wealth in the conditions of the Soviet mode.

М. Х. Аргынбаева

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ МИФА

Мифотворчество казахских писателей во второй половине двадцатого столетия является тем структурированием человека и мира, которое подготавливало, прежде всего, этническое самоопределение.

В советском литературоведении чаще всего мифологичность литературного произведения казахских писателей определяли как изначальное свойство «младописьменной литературы». На деле казахский писатель в те годы ставил перед собой задачу осмысления собственной души как души национальной, как души Казаха. Почему? Это происходило в силу объективных исторических причин.

В эпоху распада национальной идентичности казахов, когда от кочевого, «пастушеского», идилического строя целый народ в неимоверно короткие сроки лишился своей идентичности, национальной, культурной, в последние годы, даже антропологической, казахский писатель как гражданин, как человек-творец, как человек, несущий духовную информацию и пищу, должен был стать Мифотворцом. По К.-Г. Юнгу, мифотворчество есть «живая, реальная функция цивилизованного человека» [1].

И актуальной задачей современности становится национальная идентификация, функция которой «гомогенизировать» население страны, сделать его однородным, пропитать общими интересами и представлениями.

Важным элементом в системе механизмов национальной идентификации выступает мифология. Она является компонентом национального сознания как структурообразующего фактора этноса и национального самосознания, через которое происходит идентификация отдельных представителей этноса с единым, коллективным целым», так считает киргизская исследовательница мифа Н.И. Осмонова[2]. Рассматривая вопрос национального самоопределения киргизского народа, Н.И. Осмонова заключает, что «важным фактором национальной идентификации киргизов явилось возрождение в общественном сознании национальных мифов. Национальная идентификация киргизов, таким образом, основывается на возрождении исторического опыта прошлого, национальных традиций, обычаев и т.д. На их основе была создана национальная картина мира, которая выступает чрезвычайно успешным механизмом эмоциональной, психологической, духовной консолидации общности. Благодаря возрождению национальных идеалов, ценностей, культуры, мифов киргизский этнос пытается адаптироваться к современному миру» [2, с.160-161].

Через мифологию человек пытается отыскать пример в прошлом, в которое «погружается, чтобы потом вынырнуть – но уже защищенным и преобразованным – в реальную действительность» [1, с.9]. Карл Густав Юнг, основополож-